

Эволюция нащитных изображений на немецких брактеатах XII – начала XIII в.

Гербовые изображения могли помещаться на разнообразных предметах военного, парадного и повседневного быта, однако общепризнанным является мнение о том, что важнейшим и первоначальным носителем геральдической информации был воинский щит; недаром в некоторых европейских языках (например, во французском или испанском) слова «герб» и «щит» идентичны. Для понимания процессов складывания геральдики бесспорна важность изучения изображений на европейских щитах XII – начала XIII в., времени, когда личные эмблемы воинской знати приобретают наследственный характер, обозначая права данного рода на определенные владения и привилегии.

Изучением и публикацией письменных, изобразительных и вещественных источников, в том числе гербовых щитов, относящихся к XII–XIII вв., занимались М. Пастуро, Э. Вагнер, О. Нойбеккер, А.П. Черных и многие другие. К сожалению, с изучением щитов, относящихся к XII в., связаны немалые трудности. При крайней скудости источников первой группы (вещественных) и неточности описаний и наполненности поэтическими гиперболами источников нарративных, более-менее достоверную картину внешнего вида каплевидных (или «норманнских») щитов XII в. можно получить лишь при анализе источников изобразительных.

Самым массовым источником, позволяющим построить наиболее полный визуальный ряд, демонстрирующий приобретение личными эмблемами характера родовых, являются изображения на монетах. В связи с этим обращают на себя внимание особые односторонние монеты – брактеаты, выпускавшиеся начиная с 30-х гг. XII в. в восточных и южных немецких землях. Брактеаты чеканились на широком и тонком кружке только одним штемпелем. Односторонние монеты выпускались вплоть до начала XVIII в., но только брактеаты XII – начала XIII в. (т.е. интересующего нас периода) отличаются высокой степенью подробности и информативности изображений и являются настоящими шедеврами мелкой романской пластики¹.

Чеканка первых брактеатов началась примерно в 1130-х гг. в Майсенской Марке, во время правления маркграфа Конрада Великого (1127–1156). Оттуда она распространилась в северо-западном направлении, первоначально предпо-

¹ Фенглер Х., Гируо Г., Унгер В. Словарь нумизмата: пер. с нем. – 2-е изд. – М., 1993. – С. 28.

Рис. 1. Майсен, маркграфство. Брактеат Конрада Великого (1127–1156). Государственный Эрмитаж. Санкт-Петербург. Инв. № 3302/92226.

Рис. 2. Бранденбург, маркграфство. Брактеат Оттона I (1170–1184). Государственный Эрмитаж. Санкт-Петербург. Инв. № 2979/38355.

ложительно в Эрфурт, Магдебург, Кведлинбург и Херсфельд². Исполнение монетных штемпелей было еще примитивно, однако резчики того времени стремились к максимальной информативности монеты путем заполнения всего ее поля надписями и изображениями, характеризующими правителя-эмитента. Прекрасным примером первого изображения щита на брактеате является монета, относимая к майсенскому маркграфу Конраду Великому (рис. 1). Правитель изображен стоящим в полный рост под аркой между двух башен, в шлеме, кольчуге, в правой руке – меч, в левой – большой щит, поддерживаемый также перевязью через правое плечо маркграфа. Выступающий в виде треугольника элемент центральной части щита, чья форма представляет собой переходную от «норманнской» миндалевидной к треугольной, безусловно, является изображением металлического умбона. Умбон был важнейшим конструктивным элементом для круглых щитов X в. (так называемых щитов викингов) с кулачным хватом, однако продолжал помещаться как рудимент на протяжении всего XI и XII в. на миндалевидные щиты конных рыцарей, снабженных локтевым хватом и перевязью для дополнительной фиксации на плече всадника. Валик вдоль внешнего края щита, иногда орнаментированный, может расцениваться либо как орнаментально расписанная полоса, идущая вдоль края щита, либо как обшивка кожей, в том числе, возможно, тисненой³. Четыре точки, возможно, являются изображением шляпок гвоздей, крепящих ремни с оборотной стороны. Подобного вида натуралистичное убранство щита – умбон, шляпки от ременных заклепок и укрепленный (или украшенный) край – можно видеть на некоторых более поздних брактеатах, например, на бранденбургской монете, относимой к раннему чекану сына Альбрехта Медведя Оттона I в начале 70-х годов XII в. (рис. 2)⁴.

² Kluge B. Brakteaten. Deutsche Münzen des Hochmittelalters. – Berlin, 1976. – S. 2.

³ Коровкин Д.С., Чернышов К.М. Изображения на немецких брактеатах XII – начала XIII в. как источник по истории европейского доспеха и вооружения // Труды Государственного Эрмитажа. – [Вып.] LI: Византия в контексте мировой культуры. – СПб., 2010. – С. 535–548.

⁴ Bahrfeldt E. Das Münzwesen der Mark Brandenburg von den ältesten Zeiten bis zum Anfang der Regierung der Hohenzollern. – Berlin, 1889. – S. 42.

В 60-е–80-е гг. XII в. в искусстве оформления немецких брактеатов наступил настоящий расцвет. Исходя из личности заказчика, а также особенности иконографии изображений, первостепенной информативной ценностью в интересующем нас вопросе обладают монеты трех групп: ангальтской, магдебургско-бранденбургской и тюрингской. Для монет первых двух групп характерным стало изображение правителя или святого Маврикия в полном вооружении, стоящего в полный рост. Для монет тюрингской группы характерно изображение правителя на коне. На щитах правителей и святых воинов-покровителей здесь появляются самые разнообразные изображения. Все они были догеральдическими, в ряде случаев можно спорить, что именно изображено на щите этого времени – декоративное украшение, деталь конструкции или личная эмблема правителя.

Наиболее редкими являются изображения, где поле щита правителя оставлено пустым. Приведем в качестве примера брактеат тюрингского ландграфа Людвига III, чеканенный в 70-е гг. XII в. (см. вкладку, рис. 1)⁵. Искусное и подробнейшее изображение полосы по краю щита, фигуры правителя (включая доспех) и коня (включая элементы упряжи) заставляет предположить, что центральная часть поля щита оставлена пустой отнюдь не из-за небрежности резчика, не исключено, что мастер стремился изобразить реальный щит, принадлежавший тюрингскому ландграфу. Примеры щитов с гладкой и однотонно окрашенной поверхностью встречаются в европейском изобразительном искусстве на протяжении всего XII в., например, на немецкой миниатюре из манускрипта конца XII в. (см. вкладку, рис. 2).

Ко второй, не менее редкой группе изображений, можно отнести брактеаты, где на щите правителя или святого помещен крест. На наш взгляд, здесь мы имеем дело не с попыткой отобразить реально существующий щит, а придать символическое выражения устремлениям конкретной исторической персоны или государства. Самой ранней монетой с якорным или возможно змеглавым крестом на щите воина является магдебургский брактеат с фигурой святого Маврикия (см. вкладку, рис. 3). Монета отчеканена на местном монетном дворе предположительно в конце 50-х гг. XII в., во время правления архиепископа Вихманна (1154–1192). В это время архиепископство активно распространяло христианство среди полабских славян, поэтому появление главного христианского символа на щите небесного покровителя Магдебурга

⁵ *Buchenau H.* Der Brakteatenfund von Gotha. – München, 1928. – № 183; *Nau E.* Die Münzen der Stauferzeit // *Die Zeit der Staufer.* – Bd.1: Ausstellungskatalog. – Stuttgart, 1977. – № 106.5; *Berger F.* Die mittelalterlichen Brakteaten im Kestner-Museum Hannover. – Bd. 2. – Hannover, 1993–1996. – № 2201; *Der Interaktive Katalog des Münzkabinetts der Staatlichen Museen zu Berlin.* – № 18201189.

Рис. 3. Бранденбург, маркграфство. Брактеат Оттона I (1170–1184). Государственный Эрмитаж. Санкт-Петербург. Инв. № 2979/38353.

Рис. 4. Тюрингия, монетный двор Бланкенбург. Брактеат графа Генриха II фон Шварцбурга (1184–1231).

вполне объяснимо⁶. Другой заметной фигурой в военной, экономической и культурной экспансии немецких феодалов на восток был Альбрехт Медведь (1123–1170), окончательно подчинивший в 1157 г. столицу племени стодоран Бренну (или Бранибор), где им было основано маркграфство Бранденбург. Архиепископ Вихманн оказал ему поддержку в этом предприятии, кроме того, считается, что именно магдебургские резчики изготовили штемпели для монет первых Асканиев, чья чеканка начинается вскоре на местном монетном дворе⁷. На монетах сына Альбрехта Оттона I (1170–1184) присутствует изображение маркграфа, фигура которого очень напоминает фигуру святого Маврикия, а на одной из монет на щите правителя можно рассмотреть крест точно такой же конфигурации, как и на упомянутом магдебургском брактеате (рис. 3).

Крест немного иной, «лапчатой» формы присутствует на одном из брактеатов тюрингской группы, отчеканенном в конце 80-х гг. на монетном дворе Бланкенбург (рис. 4). В литературе высказывалось мнение, что данное изображение декларирует намерение эмитента, графа Генриха II фон Шварцбург (1184–1231), принять участие в III крестовом походе вместе с императором Фридрихом Барбароссой (1152–1190)⁸.

В качестве аналогии креста, помещенного на щите, можно привести миниатюру с изображением самого Барбароссы (см. вкладку, рис. 4), исполненную, очевидно, вскоре после 1187 г., когда пришло известие о взятии Иерусалима Салах-ад-дином, и император заявил о желании освободить святой город⁹.

⁶ Чернышов К.М. Немецкие брактеаты XII – нач. XIII вв. как источник по формированию ранней европейской геральдики // *Signum*. – Вып. 5. – М., 2010. – С. 107.

⁷ *Bahrfeldt E.* Op. cit. – S. 60; *Suhle A.* Deutsche Münz- und Geldgeschichte von den Anfängen bis zum 15. Jahrhunderts. – Berlin, 1964. – S. 105.

⁸ *Nau E.* Op. cit. – S. 140.

⁹ *Heinrich der Löwe und seine Zeit: Katalog der Ausstellung, Braunschweig, 1995.* – Bd. I. – München, 1995. – S. 43–44.

Наиболее обширной и в то же время наиболее спорной является группа монет, несущих изображения правителей с щитами, украшенными разнообразными орнаментальными мотивами. Не вполне ясно, представляют ли они собой ранние геральдические знаки, личные эмблемы, просто декоративные элементы или являются результатом намерения резчика штампера передать изображение металлической фурнитуры, которой в ряде случаев мог укрепляться боевой щит¹⁰. На магдебургском брактеате середины XII в. (рис. 5) щит святого Маврикия украшает непонятного вида фигура или же орнамент, похожие рельефные украшения щита можно видеть на некоторых скульптурах XII или даже начала XIII в. (см. вкладку, рис. 5). Во всех случаях не представляется возможным точно установить, в какой технике и из какого материала могло быть выполнено украшение на реальном щите того времени и играло ли оно еще какую-то роль, кроме декоративной.

Стивен Слейтер вслед за многими исследователями предположил, что подобные орнаментальные украшения, различимые на изображениях «норманнских» щитов XII в. могли частично или полностью изготавливаться из металла, наподобие, например, украшений на вратах романских и готических соборов того же времени (см. вкладку, рис. 6) и помимо декоративной роли служить стяжками для досок щита, а также защищать поверхность от рубящих ударов. Впоследствии, по мнению исследователя, некоторые из подобных металлических «добавок» послужили основой для возникновения геральдических фигур. Он считает, например, что косой крест на гербе с печати графа Конрада фон Ёттингена (ок. 1229) (рис. 6) может происходить от пересекающихся усиливающих щит металлических лент¹¹. В связи с этим обращает на себя внимание один из бранденбургских брактеатов Оттона, где на щите правителя просматрива-

Рис. 5. Магдебург, архиепископство. Брактеат. Середина XII в. Государственный Эрмитаж. Санкт-Петербург. Инв. № 2993/45003.

Рис. 6. Печать графа Конрада фон Ёттингена. Около 1229 г. Прорисовка (Слейтер С. Геральдика. – М., 2005. – С. 52).

¹⁰ Бехайм В. Энциклопедия оружия: пер. с нем. – СПб., 1995. – С. 135; Горелик М.В. Халха-калкан (монгольский щит и его дериваты) // Восток-Запад: диалог культур Евразии. Культурные традиции Евразии – Вып. 4. – Казань, 2004. – С. 182–195; Kohlmorgen J. Der mittelalterliche Ritterschild. – Wald-Michelbach, 2005. – S. 33–35.

¹¹ Слейтер С. Геральдика: иллюстрированная энциклопедия: пер. с англ. – М., 2005. – С. 53.

ются горизонтально расположенные полосы с маленькими кружочками, напоминающие собой, возможно, шляпки от гвоздей (см. вкладку, рис. 7)¹².

В качестве другого примера приводится геральдический «карбункул» – стилизованная геральдическая фигура, составленная из восьми процветших лучей из одного центра или круга¹³ – англо-нормандской семьи Мандевиль (см. вкладку, рис. 8), восходящий, по мнению С. Слейтера, к металлической круглой пластине, использовавшейся кем-то из семьи на боевом щите¹⁴. Однако похожая фигура присутствует на многих немецких брактеатах XII в., в том числе на монетах тюрингских родов Орламюнде, Шварцбург, Ротенбург (см. вкладку, рис. 9). Скорее всего, она была не более чем декоративным элементом из кожи или гипса на поверхности реального боевого щита.

Следует при этом отметить, что большинством современных оружейников возможность укрепления поверхности щитов XII в. какой-либо дополнительной металлической арматурой, кроме умбона и гвоздей, категорически отвергается. Аргументом в пользу этого является отсутствие археологических находок такой арматуры для XII в., ее полное отсутствие на некоторых артефактах – сохранившихся щитах XIII и XIV вв., а также немногочисленные цветные рисунки и миниатюры, где полосы совершенно явственно нарисованы на поверхности щита; например, рисунки французской Библии Этьена середины XII в. (см. вкладку, рис. 10).

Примеры металлических накладок на европейские щиты нам дает археология более раннего времени, например, щиты III–V вв. из датского озера Иллеруп, снабженные бронзовыми накладками, служившими одновременно стяжками для досок,¹⁵ а также несколько дошедших до нас артефактов конца XV – начала XVI в., а именно венгерских тарчей, на поверхности которых полагаются металлические накладки в виде звезд. Их основная функция очевидна – защита поверхности щита от рубящих ударов (см. вкладку, рис. 11). Весьма интересной в этой связи представляется еще одна тюрингская монета более раннего времени, а именно, 60-х гг. XII в., Людвиг II (1140–1172), где на щите ландграфа различимо изображение, напоминающее звезды на венгерском тарче (рис. 7)¹⁶.

Известны случаи, когда на щите просматриваются не горизонтальные, а скошенные полосы. На одном из брактеатов Альбрехта Медведя, чеканенном

¹² *Bahrfeldt E.* Op. cit. – S. 45; *Berger F.* Op. cit. – № 1670.

¹³ *Pastoureau M.* *Traité d'héraldique.* – 2 éd. – Paris, 1993. – P. 363.

¹⁴ *Слейтер С.* Указ. соч. – С. 53.

¹⁵ *Ilkjær J.* *Illerup Ådal.* – Aarhus, 2002. – Vol. 9–10.

¹⁶ *Suhle A.* *Mitteralterliche Brakteaten.* – Leipzig, 1965. – № 29.

в Ангальте и выпущенном между 1157 и 1169 гг.,¹⁷ на щите воина видно изображение правой перевязи (см. вкладку, рис. 12). На брактеате его младшего сына Бернгарда (1180–1212), чеканенном в 1180-е гг., на щите правителя различимо изображение аналогичной правой перевязи (рис. 8)¹⁸. Допустимо, что в этом случае, хотя и с большой осторожностью, уже можно говорить о наследовании эмблемы. Тем не менее, на более поздних брактеатах Бернгарда, чеканенных на монетном дворе Виттенберг в начале XIII в. (см. вкладку, рис. 13), перевязь или скошенные полосы не встречаются, зато появляются горизонтальные полосы, которые, как нам представляется, уже есть бесспорно геральдическое изображение – герб владения Балленштедт, древний герб Асканиев (см. вкладку, рис. 14)¹⁹. Несомненно, что данный конкретный случай с монетами Альбрехта и Бернгарда заслуживает отдельного более углубленного и пристального изучения.

Прекрасной аналогией ко всем приведенным брактеатам могут служить изображения, вышитые на ковре из Байе почти на 100 лет раньше выпуска большинства представленных монет, предположительно, в 80-е гг. XI в. (см. вкладку, рис. 15). На данной вышивке имеются миндалевидные щиты с однотонной поверхностью, с изображением умбона и шляпок от гвоздей, с неровными полосами неясного назначения, пересекающимися крест-накрест все поле щита, со стилизованным изображением крестов, нако-

Рис. 7. Тюрингия, ландграфство. Брактеат ландграфа Людвига II (1140–1172). Государственный Эрмитаж. Санкт-Петербург.

Рис. 8. Ангальт, графство. Брактеат Бернгарда (1170–1212). Государственный Эрмитаж. Санкт-Петербург. Инв. № 3304/96570.

¹⁷ Bahrfeldt E. Op. cit. – S. 20; Thormann H. Die anhaltischen Münzen des Mittelalters. – Münster, 1976. – S. 8; Nau E. Op. cit. – № 109.1; Der Interaktive Katalog des Münzkabinetts der Staatlichen Museen zu Berlin. – № 18201080.

¹⁸ Elze T. Die Münzen Bernhards, Grafen von Anhalt, Herzogs von Sachsen. – Berlin, 1870. – S. 5; Sammlung A. Löbbecke. Deutsche Brakteaten: bearb. von E. Mertens: Auktion A. Riechmann 31. – Halle, 1925. – S. 543.

¹⁹ Siebmachers J. Grosses und allgemeines Wappenbuch: bearb. von O. Hefner. – Bd. I. – Nürnberg, 1856. – S. 42–44.

Рис. 9. Фалькенштайн, графство. Монетный двор Эрмслебен. Брактеат Бурхарда II (1142–1174). Государственный Эрмитаж. Санкт-Петербург. Инв. № 3302/91353.

Интересно, что на брактеатах изображения животных на щитах правителей не помещались вплоть до 90-х годов XII в., при том, что сами по себе животные встречались уже на ранних брактеатах, например на некоторых майсенских монетах Конрада (1140-е гг.) помещались изображения двух сидящих птиц (см. вкладку, рис. 16), видимо, как декоративный элемент²⁰. В 60-е гг. XII в. на брактеатах появились животные, как попытка дать зримый образ рода или конкретного его представителя. Как правило, это так называемые «гласные» эмблемы, вид которых связан с названием родового владения или прозвищем правителя. Примером подобного были брактеаты графа Бурхарда II фон Фалькенштайна (1142–1174)²¹ (рис. 9) с изображением сидящего сокола (Falke – сокол по-немецки), а также многочисленные брактеаты Генриха Льва с изображением царственного зверя. Тут еще не может быть речи об утвержденном родовом гербе, но впоследствии, уже в XIII в., многие из этих эмблем оформились в полноценные наследственные гербы²².

На брактеатах тюрингской группы графа Фридриха II фон Бейхлингена (1180–1220) (см. вкладку, рис. 17)²³ ранняя геральдическая эмблема в виде наискось взлетающего орла (причем число орлов колебалось от одного до трех) начиная с середины 80-х гг. XII в. помещалась в поле монеты, но не на самом щите, где имела традиционная декоративная фигура в виде лучей, расходящихся из центра.

Причина отсутствия на брактеатах раннего периода (1140–1150-е гг.) и периода расцвета (1160–1180-е гг.) животных на щитах правителей, скорее всего, кроется не в том, что задача отобразить зверя в поле щита была для резчика сложна, а в том, что подобные изображения на реальных боевых щитах XII в.,

нец, всевозможных, в том числе фантастических, животных.

Интересно, что на брактеатах изображения животных на щитах правителей не помещались вплоть до 90-х годов XII в., при том, что сами по себе животные встречались уже на ранних брактеатах, например на некоторых майсенских монетах Конрада (1140-е гг.) помещались изображения двух сидящих птиц (см. вкладку, рис. 16), видимо, как декоративный элемент²⁰. В 60-е гг. XII в. на брактеатах появились животные, как попытка дать зримый образ рода или конкретного его представителя. Как правило, это так называемые «гласные» эмблемы, вид которых связан с названием родового владения или прозвищем правителя. Примером подобного были брактеаты графа Бурхарда II фон Фалькенштайна (1142–1174)²¹ (рис. 9) с изображением сидящего сокола (Falke – сокол по-немецки), а также многочисленные брактеаты Генриха Льва с изображением царственного зверя. Тут еще не может быть речи об утвержденном родовом гербе, но впоследствии, уже в XIII в., многие из этих эмблем оформились в полноценные наследственные гербы²².

²⁰ *Sammlung Dr. E. Bahrfeldt. Münzen des deutschen Mittelalters: Auktion Hess 171. – Frankfurt, 1921. – № 2695; Sammlung F. Friedensburg, Deutsches Mittelalter: Auktion A.E. Cahn 52. – Frankfurt/M, 1924. – № 1052.*

²¹ *Stenzel T. Der Brakteatenfund von Freckleben. – Berlin, 1862. – S. 97; Berger F. Op. cit. – № 1445.*

²² *Kittel E. Siegel. – Braunschweig, 1970. – S. 259; Kühn W. Die Brakteaten Heinrich des Löwen 1142–1195. – Minden, 1995. – S. 13–18.*

²³ *Mertens E. Der Fund von Nordhausen. – Halle, 1929. – № 266.*

для центрально- и восточногерманских земель в самом деле, видимо, были редки.

С начала 1190-х гг. в оформлении брактеатов наступил новый этап. Притом что общая тенденция для монет этого времени – постепенное упрощение и стилизация изображений, нащитные изображения стали гораздо разнообразнее, в поле щитов появились хищные звери и птицы, этот процесс наиболее заметен на тюрингских монетах разных династий с всадником. Сопоставление со сфрагистическими данными того же периода, а также с гербами более позднего времени позволяет констатировать, что в 1190-е гг. на монетах гессенских ландграфов, а также таких династий, как Мансфельд, Шварцбург, Орламюнде, на монетах на щиты помещаются их ранние гербы.

Наиболее часто на щитах было изображение хищного зверя, чаще всего трактуемого как лев, например, на брактеате графов Орламюнде (рис. 10)²⁴. В статье о гербах датского королевского рода Эстридсенев В.А. Антонов упоминал тот факт, что после вступления на престол Дании Вальдемар II передал свою прежнюю эмблему с двумя львами графу Альберту фон Орламюнде, который изображал ее на своих печатях 1203–1223 гг.²⁵. Данная монета, относимая к концу XII в., бесспорно является важным дополнением к истории геральдики этого рода.

Прекрасной вещественной аналогией к многочисленным щитам с хищником на монетах и печатях служит единственный дошедший до нас подлинный боевой щит XII в., приписываемый Арнольду фон Бриенцу (1180–1225), хранящийся в музее Цюриха (см. вкладку, рис. 18). Щит был переделан в начале XIII в., в частности, с него был срезан верх, и из миндалевидного он превратился в треугольный²⁶. Он несет изображение «восстающего» хищника, а из металла на нем присутствует только рудиментарный металлический умбон, который «вписан» в тело геральдического зверя.

Достаточно часто на брактеатах конца XII – начала XIII в. помещался орел с расправленными крыльями, взлетающий либо прямо вверх, либо наискось, как,

Рис. 10. Граф Орламюнде. Брактеат. Ко-
нец XII в.

²⁴ *Buchenau H.* Der Brakteenfund von Seega. – Marburg, 1905. – № 364.

²⁵ Антонов В.А. Гербы представителей датского королевского рода Эстридсенев (XII–XIV вв.) // *Signum.* – Вып. 3. – М., 2005. – С. 71–72.

²⁶ *Kohlmorgen J.* Op. cit. – S. 49–51.

Рис. 11. Графы Бейхлинген. Монетный двор Франкенхаузен. Брактеат Фридриха II (1180–1220).

Рис. 12. Мансфельд. Брактеат графа Бурхарда I фон Мансфельда (1183–1229).

видная форма уже архаична для XIII в., не исключено, что резчик стремился изобразить реальный щит, принадлежавший представителю рода Вельфов, ведущих в это время острую борьбу за власть в империи с Филиппом Швабским из рода Штауфенов.

Свидетельством начала распространения самого принципа узнаваемости сеньора на основе изображения на монете его герба может служить интереснейший брактеат совместного чекана графов фон Цигенхайн Фридриха (1186–1227) и Людвига I (1184–1229) (рис. 14) с изображением фигур обоих

например, на монете графов Бейхлинген конца 90-х гг. XII в., где орел уже «угнездился» на щите всадника (рис. 11)²⁷.

На монете графа Бурхарда I фон Мансфельда (1183–1229) на щите всадника отчетливо просматриваются ромбы (рис. 12); возможно, это наиболее раннее изображение герба рода Мансфельда²⁸.

Если рассматривать именно монеты тюрингской группы, то можно констатировать, что на рубеже XII–XIII в. на брактеатах гербовые изображения на щитах правителей встречались уже чаще, чем изображения украшений (или укрепляющей фурнитуры), а во втором десятилетии XIII в. значительно превосходили последние. При этом процесс общей схематизации и огрубления изображений на них какое-то время не касается щитов. Например, на брактеате императора Оттона IV, выпущенном предположительно в Мюльхаузене (рис. 13) в первое десятилетие XIII в.,²⁹ изображение правителя выглядит в целом уже достаточно схематично и примитивно, с непропорционально огромной головой, однако щит со львом Вельфов выделяется весьма подробным и старательным исполнением. Этот щит – бесспорно главный элемент в поле монеты. Миндалевидная форма уже архаична для XIII в., не исключено, что резчик стремился

²⁷ Buchenau H. Op. cit. – № 375.

²⁸ Mertens E. Op. cit. – S. 71–72.

²⁹ Nau E. Op. cit. – S. 138.

правителей, стоящих в полный рост. При отсутствии надписей фигура каждого из них выделена благодаря гербу на щите – соответственно, это лев Цигенхайна на щите Фридриха и звезда владения Нидда на щите Людвига, приобретенного им после 1206 г.³⁰ Финальным аккордом, свидетельствующим о геральдизации среди широких слоев населения немецких земель, может, как нам представляется, служить разовый, но весьма знаковый пример отделения на монетах изображения гербового щита от фигуры правителя, т.е. когда щит с изображением герба сам по себе служит зримым и понятным символом власти данного эмитента на массовом средстве платежа. Уникальным для XII – начала XIII в. и достойным для вынесения в отдельную группу представляется брактеат, выпущенный Адольфом III фон Шауенбургом, графом фон Хольштайн (1164–1225), имеющийся в коллекции Эрмитажа (рис. 15). Он, возможно, является первой немецкой монетой, где изображение гербового щита помещено отдельно от фигуры правителя, причем эмблема является ничем иным, как небезызвестным «крапивным листом», ставшим впоследствии гербом Голштинии (см. вкладку, рис. 19)³¹.

Рис. 15. Монетный двор Ринтельн (?). Брактеат Адольфа III фон Шауенбурга (1186–1225). Государственный Эрмитаж. Санкт-Петербург. Инв. № 3302/91827.

³⁰ Mertens E. Op. cit. – S. 153–154.

³¹ Hildebrandt A.M. Das Wappen von Schleswig. – Holstein. Heimat, 1909. – S. 125–130; Siebmachers J. Op. cit. – Bd. I. – S. 31; Hatz G. Die Anfänge des Münzwesens in Holstein – Die Prägungen der Grafen von Schauenburg bis 1325 // Numismatische Studien. – S. – Hamburg, 1952. – № 78.

Рис. 13. Тюрингия. Мюльхаузен, королевский монетный двор. Брактеат Оттона IV (1198–1218).

Рис. 14. Брактеат графов фон Цигенхайн Фридриха (1186–1227) и Людвига I (1184–1229).

Итак, первые нащитные изображения на немецких брактеатах появились в конце 30-х – 40-е гг. XII в. и вплоть до 1150-х гг. представляли собой натуралистично переданное убранство поверхности боевого щита в виде умбона, гвоздей, украшенного или укрепленного края. В 1160-е, 1170-е и 1180-е гг. изображения на щитах отличались большим разнообразием, и в ряде случаев невозможно точно установить, что именно изображено на щите – декоративное украшение, деталь конструкции или личная эмблема правителя. Первые родовые эмблемы, в том числе «гласные», появились на брактеатах в 1170-е–1180-е гг., но не помещались на щиты. С 1190-х гг. неуклонно росло число изображений, где на щитах правителей помещены бесспорно первые гербы, что доказывает их сопоставление с современными печатями этих родов. Со второму десятилетию XIII в. изображения с гербовыми щитами преобладали, причем имеются примеры первых изображений гербового щита отдельно от фигуры правителя.

Представленные примеры позволяют охарактеризовать немецкие брактеаты XII – начала XIII в. с изображением щитов как ценный массовый источник, важный как для формирования представления об облике этой детали воинского защитного снаряжения, так и позволяющий проследить генезис геральдики в немецких землях от личной эмблемы с неутвержденным изобразительным каноном до полноценного родового герба.